

Синчук И.И.

ПОЛИТИКА АКТИВНОГО ЭКСПОРТА ЭЛИТЫ – ЧЕРТА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ВРЕМЕНИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ

Перестройка изменила привычные для Беларуси способы формирования элиты. Небольшой экскурс в историю создания управленческих кадров начиная с момента начала Второй мировой войны, а именно, присоединения Западной Беларуси, помогает понять значимость произошедших изменений. Аналогичные процессы физической замены элиты проводились в различных формах во время межвоенной польской республики на "Кресах" (восточной части Польской республики с восточнославянским населением) и на захваченной фашистской Германией территории Беларуси в период Великой Отечественной войны (в принципе, трагедию евреев во время Второй мировой войны – холокост – можно рассматривать и с этой точки зрения). Тем не менее, рассматривается только образование элиты советского общества, поскольку именно его наследовала Беларусь периода Союза Независимых Государств. Именно в послевоенные годы сложился клан тех, кто обеспечил в дальнейшем наследование высокого социального статуса, его воспроизводимость; они являются до сего дня активным фактором [7, S.56].

Целью было показать, что ранее механизм вхождения в элиту коренным образом отличался от современного и действовал по принципам тоталитарного государства. В пограничных ситуациях государственная кадровая политика выступает в откровенном виде по причине необходимости эффективного действия в короткий промежуток времени. Именно такие пограничные ситуации возникали в период Второй мировой войны (считая с момента нападения союзников на Польшу в 1939 г.). Ниже следующее не является цельным очерком, поскольку носит иллюстративный характер. Привлекались сюжеты наиболее обеспеченные документальными свидетельствами. Традиционно уделявшееся огромное внимание в СССР и Польше истории Второй мировой войны привело к появлению многочисленных добротных публикаций документов разного характера, это также определило выбор источников.

1. Офицеры Красной Армии в Войске Польском (Вторая мировая война)

В гипертрофированной и выразительной форме вмешательство в кадровые вопросы Войска Польского показывает принципы, которыми руководствовало советское руководство при создании системы руководящих кадров в этот период и у себя в стране.

Имеются уникальные документальные свидетельства применения тактики замены элиты, применяемой в сталинский период советской истории. Показателен "Доклад об офицерских кадрах Войска Польского и роли офицеров Красной Армии в создании новой демократической Польской Армии по состоянию на 15.08.1945", пункт первый которого "Количественное состояние офицерского корпуса Войска Польского" дает информацию, что 33% (15500 из 47000 человек) офицеров Войска Польского представляют собой военнослужащих Красной Армии (22% из них – польской национальности, 65% – русские и 13% – других национальностей). Судя по распределению офицерских должностей в пехоте, где должности, соответствующие званию генерала и полковника занимало 35% из служивших в войске Польском офицеров

Красной Армии, хотя нормальной пропорцией в войсках является отношение старших офицеров к младшим 1:5 (в пехоте 1:10), в среднем 2/3 высших должностей были заняты офицерами Красной Армии. Лишь на уровне командиров батальонов офицеры-поляки и офицеры Красной армии были представлены приблизительно поровну. В верхний эшелон власти поляки практически не допускались. "В Министерстве и Генеральном штабе ВП офицерами и генералами Красной Армии замещены все руководящие должности", – говорит документ.

В докладе говорится о вынужденной замене в будущем командирских кадров на национальные, и необходимости подготовки польских офицеров-"демократов". Документ лукаво противоречит сам себе: с одной стороны говорится об отсутствии подготовленных поляков-офицеров, из-за чего в ближайшем будущем советские офицеры должны оставаться в Войске Польском, с другой – о направлении в резерв вернувшихся из немецкого плена 6000 кадровых польских офицеров по причине отсутствия в армии вакантных должностей. В то же время развернуты для подготовки новых польских офицеров 3 пехотных училища со штатной численностью переменного состава 2000 человек каждое, 2 армейские пехотные школы по 800 человек каждая, 1 высшая офицерская школа на 400 человек, 2 артиллерийских училища по 1000 человек каждое, 1 школа связи на 1000 человек, 1 танковое училище на 1000 человек и 1 саперная школа на 1000 человек [9, S.98-113]. В послевоенное время срок обучения в училищах и школах составлял 6 месяцев, или, другими словами, в год готовилось 24 тысячи офицеров. Характерно, что все их скороспелые выпускники, в большинстве своем проявившие себя в боях совместно с Красной Армией рядовые, находили место в армии, а кадровые офицеры с богатым опытом, в количестве 1/4 от подготавливаемых ежегодно в училищах, были отправлены домой.

2. Интернирование поляков в 1944-1945 гг.

Столь же выразителен иной документ, который даже не требует специального комментария – докладная записка министра внутренних дел С.Круглова И.В.Сталину от 28 февраля 1947 г.

"МВД СССР докладывает, что по состоянию на 1 февраля с.г. в лагерях и рабочих батальонах МВД СССР содержится всего 10652 польских гражданина, в том числе:

- 1) 1035 военнопленных, служивших в германской армии (...),
- 2) 2265 арестованных контрразведкой Советской Армии в порядке очистки тыла в 1944-45 году как участники "Армии Крайовой" (...),
- 3) 4032 интернированных советскими органами в 1944-1945 году в Западных областях Украинской, Белорусской ССР, Литовской ССР и на территории Польши во время операции по очистке тыла Красной Армии (...).

Из общего количества арестованных и интернированных поляков имеется 1350 человек ранее проживавших на советской территории. Семьи их в настоящее время частично проживают в западных областях УССР, БССР и в Литовской ССР" [9, S.29-33].

Синчук Иван Иванович. Научный консультант изд. "Беларуская энциклопедия". e-mail: vpetrakovsky@bspa.unibel.by

Примечательно, что к общему числу 10652 "польских граждан" документ причисляет "1075 чел. поляков советских граждан".

Показательна и докладная народного комиссара внутренних дел Союза ССР Л.Берия И.В.Сталину от 21 октября 1945г., в которой сообщается, что в лагерях находится 27010 польских граждан-поляков, арестованных в 1944-45 гг., причем НКВД считает возможным возратить в Польшу рядовой состав Армии Крайовой, но "оставить в лагерях НКВД для дальнейшего содержания (...) командный и начальствующий состав "Армии Крайовой" [9, S.26-27].

3. Кадровая политика в Красной Армии (Вторая мировая война)

Списки погибших в приграничных боях с началом войны в 1941 г. однозначно показывают, что все они (за редким исключением) родились в России. Выборка из списка свыше 11700 Героев Советского Союза около 300 уроженцев Беларуси позволяет заключить, что Герои-белорусы в большинстве были мобилизованы на территории России после начала войны, по крайней мере, впервые вступили в бой за пределами Беларуси. В то же время можно без труда найти воинов-белорусов среди немногочисленных Героев кратковременных советско-финской войны 1939-1940 г. либо советско-японского вооруженного конфликта у Халкин-Гола 1939 г.

Получается, что даже находящиеся на территории Западной Белоруссии части Красной Армии комплектовались местным населением начиная с рядового состава, в то же время бойцы Красной Армии белорусы служат вдалеке от места рождения. Другими словами, происходило целенаправленное перемещение – люди отрывались от местных корней, лишались социальных связей и в результате становились более восприимчивы к официальной пропаганде и идеологии. Ситуация изменилась к концу войны – с исчерпанием мобилизационных резервов несмотря на культивируемую в стране шпиономанию активно призывались в армию в 1944 г. жители в недавнем прошлом оккупированной территории.

Судя по спискам погибших в 1941-1945 гг. без малого 6000 жителей Быховского района Могилевской области за три года оккупации погибло 1/4 от всех погибших в районе, а с фронта за один год боев на заключительном этапе войны не вернулось 3/4 от всех жертв войны в Быховском районе [6, С.293-319, 461-549]. Можно ожидать, что публикация списков погибших в серии "Память" выявит подобную ситуацию и по другим регионам Беларуси.

Следует отметить, что практика перемещения военнослужащих срочной службы в удаленные от места призыва части была прекращена лишь с развалом СССР, равно как и офицеры подлежали постоянному перемещению по воинским гарнизонам.

4. Элиминация старой элиты после кампании 1939 г.

Тщательно скрываема в советское время тайна катынской трагедии (созвучие Катыни и мемориального комплекса Хатыни представляется далеко не случайным), ныне перестала быть охраняемой грифом "Совершенно секретно".

При ретроспективном взгляде открываются новые черты трагедии в Катыни, Медном, Харькове, где были расстреляны тысячи офицеров довоенного Войска Польского, попавшие в плен в сентябре 1939 при вступлении СССР, выполнявшего договор с Германией, в войну против Польской республики. Проверка по методике экспертных оценок списка фамилий погибших в Катыни показала, что приблизительно 1/5 фамилий расстрелянных воспринимается как белорусские, присутствует большая доля евреев [4, С.114-116]. Вероятно, взгляд

на трагедию как на истребление польских офицеров является упрощением.

Показательно огромное количество резервистов – вместе с кадровыми офицерами несуществующей уже армии были расстреляны учителя, юристы, врачи, фармацевты, агрономы, ветеринары, инженеры, библиотекари, строители, экономисты, судьи и представители других гражданских специальностей. Очевидно, что трактовка трагедии как уничтожение офицеров-военнослужащих также является упрощением.

Примечательна статистика по воинским званиям расстрелянных в Катыни. По общему списку на одного полковника или подполковника приходилось два майора, три капитана, десять поручиков и двадцать подпоручиков. Однако, среди кадровых офицеров было в 6 раз больше капитанов, в 10 раз больше майоров, в 10 раз больше подполковников, в 18 раз больше полковников, но в 5 раз меньше подпоручиков (в доле отношении по двум выборкам). Среди кадровых военных на одного полковника/подполковника приходилось два майора, пять капитанов, четыре поручика и два подпоручика. Среди резервистов на одного полковника/подполковника приходилось два майора, десять капитанов, сорок четыре поручика, сто тринадцать подпоручиков. Трудно вообразить армию, в которой количество командиров взводов равно количеству командиров рот, что вытекает из приведенного выше соотношения воинских званий среди офицеров-кадровиков. Отсюда следует предположение, что низшие кадровые офицеры пострадали меньше, чем старшие кадровые офицеры – большая их часть миновала лагерь и расстрела. Получается, что военных переставали уничтожать начиная с уровня подпоручика/поручика, т.е. с уровня субалтерн-офицеров. Симптоматично, что среди штатных офицеров подпоручиков на 1/3 меньше, чем поручиков. Среди резервистов, напротив, уничтоженных подпоручиков в 3 раза больше, чем поручиков. Среди военных большинство имело высокие воинские звания – 3/5 имели офицерские звания от капитана до полковника; среди резервистов, наоборот, низшие офицерские звания носило большинство – 9/10 были подпоручиками и поручиками. В довершение следует отметить, что из расстрелянных 2/3 (66,34%) являлись офицерами резерва – их было большинство.

По оценкам военных историков средняя отмобилизованная европейская армия увеличивалась в полтора раза, другими словами, на 1/3, что не соответствует названной выше цифре погибших офицеров резервистов. Во-вторых, даже если принять во внимание характерное для армий 20 в. мирного времени избыточное число старших офицеров, так называемые "скрытый кадр", "кадрированные части", избирательность латентной мобилизации, то приведенные выше цифры показывают сильное несоответствие в долях уничтоженных низших офицеров среди кадровых военных и резервистов.

На первый взгляд необъяснимым кажется, что офицеры запаса низших званий, большинство носителей которых уцелело среди кадровых офицеров, были расстреляны как представлявшие опасность для новой власти. Очевидно, что в плане вооруженного сопротивления кадровый поручик более опасен, чем поручик-резервист. Можно предположить, что от резервистов исходила иная опасность, нежели военная, причем она существовала и в условиях невоенного времени – ведь расстрелы произошли в апреле-мае 1940 г., более чем через полгода после окончательного военного подавления Польши.

Мотивация физического уничтожения офицеров несуществующей армии станет понятной, если признать, что вначале, пока происходило развертывание нового аппарата управления, держались в лагере, а затем были физически уничтожены представители интеллигенции. Такой ход событий мог

быть выгоден тем, кто осаживал новую элиту на захваченных территориях [5, С.295-299]. Действительно, так же как и бригадный генерал, как и адмирал (по одному представителю этих высоких воинских званий было среди расстрелянных), представлял опасность и единственный погибший вместе с ними рядовой, поскольку тоже принадлежал к элите – он был судьей по гражданской специальности.

5. Новая элита на новых землях БССР (довоенное и послевоенное время)

Впервые после Октябрьской социалистической революции 1917 г. руководство СССР столкнулось с необходимостью замены руководящей структуры на огромной территории в 1939 г., после установления контроля над бывшими "Кресами" межвоенной Польской республики. Как и 22 года назад был избран путь не переориентации старой структуры и пусть жесткого, но диалога с представлявшими ее лицами, а путь физического отстранения от руководства "классово чуждых элементов".

Поскольку номенклатура, понимаемая как класс, по подсчету Восленского М.С. составляет менее 1,5% общества [1, С.153], то, перенеся цифру, полученную для 1950-1980-х годов в довоенное время, можно произвести расчет необходимого количества управленцев. Общая численность населения объединенной Беларуси в 1939 г. составляла 8,9-9,1 млн. чел., большая часть – 5,6 млн. – проживало в старой БССР, новые земли имели население 3,2-3,3 млн. чел. (расчет весьма приблизительный, поскольку ведется в современных границах РБ). Отсюда численность новых руководящих кадров должна составлять с членами семей около 50 тыс. чел., или около 12 тыс. непосредственно функционеров (включая армию, партаппарат, хозяйственников, карательные органы и т.д.).

До сего времени существует преувеличенное представление о масштабах наплыва: "Члены администрации, называемые в народе "восточниками", сотнями тысяч стекались на оккупированную территорию, усложняя ситуацию в жилищном секторе" [2, С.205]. Скорее всего, такое представление вызвано перенесением представления об действительно массовом "освободительном походе" Красной Армии в сентябре 1937 г. на функционирование гражданских институтов.

Задача замены аппарата управления делается при рассчитанных выше цифрах вполне реальной. Более того, выведение из строя старой элиты произойдет незаметно для общества. Для среднего города это означало исчезновение от полусотни до сотни жителей. Практически эта акция было проделана.

Соответствующие меры предпринимались для обеспечения реорганизации индивидуального сельского хозяйства по советскому образцу. В глубь советской территории были депортированы в 1940 г. семьи зажиточных осадников и лесников – приблизительно 53 тыс. чел. [8, С.374], что в некоторой степени было сродни известной акции "раскулачивания", проведенной ранее в Советском Союзе.

На начало 1950-х годов кадровая ситуация в Западной Беларуси выглядела следующим образом:

Сфера деятельности	Всего	Местные	Доля местных
Секретари ГК, РК партии	256	5	2,0
Другие партработники	919	116	12,6
Обл(рай)исполкомы	1408	114	8,1
МВД/КГБ	840	17	2,0
Органы правосудия	****	****	9,0
Председатели колхозов	1927	1065	55,3

На низшем уровне тоже присутствовали элитные пришельцы: "Более половины секретарей первичных парторганизаций на селе, два из каждых трех комсомольских работника,

большинство финансистов, заготовителей, работников торговли – мигранты, из восточных областей или иных республик" [3, С.1].

Надо отметить, что в результате последовательно проведенной эвакуации гражданского населения во время Первой мировой войны большинство жителей Западной Беларуси по несколько лет жили в Советской России, и даже сражались в Красной Армии. Однако на выборные должности почти в половине колхозов определили неместных руководителей – вероятно, можно было на эти должности найти местных кандидатов, однако этого не произошло.

* * *

Приведенные выше еще недавно секретные документы прекрасно иллюстрируют общую схему освоения новых территорий периода аннексий и создания щита из стран народной демократии как управленческой задачи.

Общие тенденции "в области кадровой политики" по официальной советской терминологии очевидны. На первом этапе старая элита целенаправленно выводится из активного состояния в пассивное самыми разнообразными способами – расстрел, изоляция в лагерях, принудительное изменение места жительства, отправка на пенсию и т.д. На следующем этапе насаждается своя элита, "экспортированная", в первую очередь на ключевые позиции. Завершающий этап – выращивание новой элиты из национальных кадров, воспитанных в духе советской идеологии.

Исходя из вышеизложенного, можно говорить об экспорте элиты на присоединенные территории и элиминации старых кадров как о генеральной линии советского руководства в организации системы управления на новых землях в период территориального расширения государства.*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Восленский М.С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
2. К'яры Б. Гісторыя як паслядоўнасць катастроф: Беларускі рэгіён як акупаванае грамадства 1939-1944/47 // Беларускі гістарычны агляд, 1996. Т.3. Сш.2.
3. Лукашук А. Неоосадничество // Збудінне, 1990. № 2(7).
4. Синчук И.И. Восприятие этнической окраски фамилий // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер" / Специальный выпуск бюллетеня. Тезисы докладов и сообщений V конференции Ассоциации "История и компьютер". Звенигород, 28-30 марта 1997 г. М., 1997. Март. № 21.
5. Сінчук І. Rozstrzelani w Katyniu: Alfabetyczny spis 4410 jeńców polskich z Kozielska rozstrzelanych w kwietniu-maju 1940, według źródeł sowieckich, polskich i niemieckich / Indeks represjonowanych. T.I. Warszawa: Ośrodek KARTA, 1995. - 286 s. // Беларускі гістарычны агляд, 1996. Т.3. Сш.2. [Рэцэнзія].
6. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Быхаўскага раена. Мн., 1990.
7. Elity w Polsce, w Rosji i na Węgrzech: Wymiana czy reprodukcja? Warszawa, 1995.
8. Pawłow J.S. Represje wobec osadników polskich w zachodnich obwodach Białorusi // Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939-1941. Warszawa, 1995.
9. Z archiwów sowieckich. T.V. Powrót żołnierzy AK z sowieckich łagrów. Warszawa, 1995.

* This work was supported by Research Support Scheme of the OSI/HESP, grant No.: 32/1996 // Ivan Sintchouk